

Во власть актеру ходить не нужно

Мир за неделю. — 1999 — 16-23 окт. — с. 8

Виктор КАРПЕНКО
Московская правда.
Подписной индекс 50082

Когда подходишь к этому легендарному для всех любителей искусства зданию русского театра на Старом Арбате, невольно задумываешься о том, сколько жизней прожили на сцене Театра им. Вахтангова замечательные наши актеры — Михаил Астангов и Николай Плотников, Людмила Максимова и Николай Гриценко, Юлия Борисова и Юрий Яковлев... Ведь настоящий, крупный актер в каждой роли как бы сливается с жизнью своих героев, переживает эту жизнь как свою собственную, и образ его остается в памяти зрителей неразрывно слитым с образом того или иного персонажа. А если прибавить к этим театральным жизням еще и жизнь многочисленных киногероев... Как говорят теперь, мало не покажется! Я вхожу в двери тихого кабинета художественного руководителя Вахтанговского театра, народного артиста Советского Союза **Михаила Александровича УЛЬЯНОВА**. Мерный ход напольных часов, старинная мебель, на стенах — портреты знаменитых предшественников Рубена Николаевича Симонова, его сына — Евгения... И начинается наш долгий разговор именно с вопроса о том, почему все-таки зрители так упорно отождествляют образ актера с образом героя, которого он играет.

— Профессия актера, — говорит Михаил Александрович, — все-таки профессия мистическая. Ведь все знают, что кровь на сцене брусничная или клюквенная, что умирают не на самом деле, а только во время спектакля или в кино. Тем не менее зрители страдают, плачут, переживают. Как будто проявляется некая обманная фотография, и люди воспринимает то лицо, которое увидели на экране или на сцене как подлинное лицо героя. Вот, например, **Жуков**. Я ведь на него не очень похож, если говорить серьезно. Но если посмотреть издали, то что-то во мне, наверное, было похожее: надвинутая на нос фуражка, особая манера разговаривать, чуть выдвинутая вперед челюсть... Вот зритель и принимает такую игру, соединяет меня с обликом Георгия Константиновича, которого я, к своей неудаче, в жизни никогда не видел. Происходит и некоторый обратный про-

Фото из семейного архива

цесс: все мои роли — и в «Председателе», и в «Добровольцах», и в «Простой истории», и в «Беге», и в «Братьях Карамазовых» — накладывают отпечаток на мой внешний облик. А ведь на самом деле моя внутренняя сущность чаще всего не имеет ничего общего с моими героями. Ну, например, я играл **Наполеона**, играл **Стеньку Разина**, **Ленина**, **Сталина**, **Жукова**, **Кирова**, **Ворошилова**, **Антония**, **Юлия Цезаря**, **Ричарда III**... Видите, какой набор великих, крупных людей. А я совершенно не исторический человек, я просто актер. Я сочиняю то, что нужно зрителю. И в этом, наверное, проявляются мастерство и удача актера.

Замечательный критик, недавно ушедший из жизни, **Александр Петрович Свободин** написал обо мне большую статью, где он говорит, что по моим ролям можно проследить историю нашей страны. И это действительно так. От нашей первой комсомолки в фильме «Они были первыми» до пенсионера, который с ружьем защищает честь своей внучки, в фильме «Ворошиловский стрелок». От мечты добровольцев-комсомольцев до пенсионеров, которые отстреливаются или угоняют самолет. Как, например, в фильме «Сочинение ко Дню Победы». Это и есть история нашего государства, которая выразилась в моих ролях в кино и театре.

— Но, Михаил Александрович, вы ведь не только в своих ролях, но и в жизни были человеком активным и даже, как нынче говорят, во власть ходили?

— Ну что ж, буду откровенным. Время от времени появляются и появлялись деятели культуры, которые, как вы говорите, во власть ходили. Вот и я, скажем, был членом ЦК КПСС не за какие-то заслуги или особое рвение служить. Я рвение в своей профессии проявлял. Но меня выбрали, как бы это поточнее сказать, для кворума, что ли. Ведь раньше как все эти высшие органы формировались: кухарка есть, двор есть, плотник есть, герой есть, генерал есть, нужно и артиста пригласить. И начинают вспоминать: есть-де такой хороший актер Ульянов, он в «Председателе» играл. Давайте его... Уверен, что почти так и набирали. Я ходил во власть довольно долго, но вынес из этого только одно: актерам, деятелям культуры ходить во власть не надо. Ничего мы там решить не можем, да и не должны. Мы должны решать все эти политические, социальные, духовные, нравственные проблемы только через свое творчество. Здесь мы сильны, здесь мы понятны.

На XIX партконференции я поднимался защищать нашу прессу, она тогда еще в этом нуждалась. А один из колхозников, которого спросили, как ему понравилось выступление Ульянова, сказал: «А что с него взять, он же артист». То есть всерьез ко мне как к политику и тогда не относились и, слава Богу, теперь не относятся. И правильно делают. Сейчас некоторые мои коллеги рвутся во власть, но я боюсь, что у них больше политические проблемы, чем художественные, творческие. Для них самое главное — быть наверху. А я уже был наверху и видел этот самый «верх» в действии. Конечно, там я почерпнул великое множество всяких наблюдений для себя как актера. И в этом смысле быть наверху хорошо. Но только в этом. Вспомните наших актеров, деятелей культуры — министров: **Губенко**, **Паулс**, **Юрий Соломин**... Опыт показал, что актерам министерствами быть не нужно.

— И все же одно ваше имя наверняка может открыть двери самым высоким кабинетов?

— В каждом актерском коллективе обязательно есть два-три чудака, которые бесконечно бродили и бродят по «высоким» кабинетам. Меня, конечно, знали как актера. В те, советские, годы случалось и, надо сказать, часто случалось, когда можно было смело и самостоятельно решать хозяйственные вопросы. Ну, например, выпросить квартиру, поместить в престижную больницу, выбить

путевку. Обычно по таким поводам к начальству ходил я, взяв с собой какую-нибудь красивую женщину. И начальник начинал чувствовать себя мужчиной и отказать уже не мог. А сейчас целый гарем можно притащить, и ничего не решится. Если, конечно, денег не дашь. Так что, дорогие женщины, потеряли вы свое воздействие на начальников! Впрочем, как и мы, актеры...

— Михаил Александрович, в заключение вопрос, который нынче часто задают журналисты своим собеседникам: какие люди олицетворяют лично для вас XX век России?

— Это **Дмитрий Сергеевич Лихачев**, **Александр Исаевич Солженицын**, **Сталин**, **Жуков**, **Ландау**. А для меня это еще и человек, которого, может быть, не все вспомнят, мой друг **Юра Катин-Ярцев**. Он не занимал великого места в театральной иерархии, но занимал великое место в моей душе. Он делал добро, как дышал, просто и естественно. Мы с ним вместе были еще со времен театрального училища. Я же приехал, можно сказать, из деревни, и он меня все время выпрямлял духовно. Хотя никогда не учил, не наставлял. И я ему благодарен за все. Я благодарен также моим учителям, которые сделали меня актером, моей жене, которая сделала меня человеком. Я благодарен, что судьба привела меня в Вахтанговский театр. А если возвращаться к судьбе России в XX веке, то она довольно страшная. Ни на секунду не прекращала литься кровь. То малым ручеечком, то большой рекой. Обязательно где-нибудь шла драка. Захватывали власть, упускали. И конца-краю этому нет. И не будет. Раньше дрались из-за вер. А сейчас из-за сфер. Из-за сфер влияния.

Вообще я пессимист. Наверное, мы так уж быстро не развалимся, но и навряд ли в обозримом будущем восстановимся, потому что опыта мы никакого не приобретаем. Вот эта фраза хвастливая, что «умом Россию не понять»... Да все понять можно. Только действительно русский мужик отдаст последнюю рубашку, а за ложку убьет. Вот такой он. То он кинется спасать всех на свете, то сам себя защитить не может. Как говорил **Федор Михайлович Достоевский** (извините, если не совсем точно цитирую): «Во всем-то мы доходим до края. Во всем — и в хорошем, и в дурном». А ведь народ поразительно талантлив. Но сколько при этом талантов загубленных.